

DOI 10.25991/VRHGA.2022.23.2.013

УДК 281.93

*Игумен Иов (Чернышев), иер. Павел Крайнов (Крайнов)**

ОЦЕНКА РУССКОГО МОНАШЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В ТРУДАХ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛАРИОНА (ТРОИЦКОГО)

Данная статья посвящена отношению священномученика Илариона (Троицкого), архиепископа Верейского, к монастырям и монашеству Российской империи конца XIX — начала XX веков. Дается анализ критики монашества в контексте развивающегося в синодальную эпоху процесса секуляризации общества. Приведены аргументы архиепископа Илариона в защиту русского монашества. Анализ наследия священномученика Илариона выявляет его принципиальную позицию, подчеркивающую единство идеала Христа для монашествующих и мирян. В работе рассматривается отношение архиепископа к институту ученого монашества, появившегося в Российской империи в синодальную эпоху, анализируются взаимоотношения между монашеством и интеллигенцией, определено место монашества в богословской системе священномученика Илариона.

Ключевые слова: священномученик Иларион (Троицкий); монастыри и монашество; синодальный период истории Русской церкви; ученое монашество.

Hegumen Job (I. A. Chernyshev), priest Pavel Krainov (P. S. Krainov)

EVALUATION OF RUSSIAN MONASTICISM AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES IN THE WRITINGS OF HIEROMARTYR HILARION (TROITSKY)

This article is devoted to the attitude of the Holy Martyr Hilarion (Troitsky), Archbishop of Verey, to the monasteries and monasticism of the Russian Empire of the late XIX — early XX centuries. The article analyzes the criticism of monasticism in the context of the process of secularization of society developing in the synodal era. The arguments of Archbishop

* Чернышев Иван Александрович, кандидат богословия, игумен Свято-Троицкого Филиппо-Ирапского монастыря; iov.monk@gmail.com

Крайнов Павел Сергеевич, магистрант, Череповецкий государственный университет, священник, настоятель храма преподобного Даниила Шужгорского Череповецкого района; kraunovpavel@mail.ru

Hilarion, cited in defense of Russian monasticism, are given. The analysis of the legacy of the Hieromartyr Hilarion reveals his principled position, emphasizing the unity of the ideal of Christ for monastics and laity. The paper examines the attitude of the archbishop to the institute of learned monasticism, which appeared in the Russian Empire in the synodal era, analyzes the relationship between monasticism and the intelligentsia, determines the place of monasticism in the theological system of the Hieromartyr Hilarion.

Keywords: Hieromartyr Hilarion (Trinity); monasteries and monasticism; synodal period of the history of the Russian Church; learned monasticism.

Архиепископ Иларион (Троицкий) является одной из ключевых фигур в истории Русской церкви конца XIX — начала XX веков. Он внес существенный вклад в развитие системы богословского образования в Российской империи, будучи талантливым писателем, известным преподавателем, богословом и исполняя обязанности ректора Московской духовной академии в переломном 1917 году. Исторические пути Русской православной церкви в первые десятилетия атеистических гонений в советском государстве неразрывны связаны со стойкой канонической позицией архиепископа Илариона и его верностью патриарху Тихону. Богатое письменное наследие архиепископа Илариона является значимым источником для исследования истории церковной науки, церковно-государственных отношений, анализа духовно-нравственного состояния российского общества в предреволюционное время.

Институт монашества в христианстве возникает в IV столетии в качестве реакции на прекращение гонений в Римской империи. Со временем монашество из отдельных жителей пустынь приобретает сложную организационную структуру, становится серьезным и влиятельным элементом в Церкви, влияя не только на исключительно церковные стороны жизни христианского Востока, но и воздействуя на политическую жизнь Византийской империи. Русь, приняв в IX–X веках православие, инкорпорировала в свой уклад жизни и монашество. Монастыри аккумулируют в себе интеллектуальные и культурные ценности, становятся опорой церковной иерархии. С XIV столетия монастыри становятся фундаментом колонизации Русского Севера и в ряде случаев крупнейшими экономическими центрами. Даже в условиях петровских преобразований и негативного отношения властей в XVIII веке монашество сохранило свою роль в формировании духовно-нравственного облика русского народа, инкорпорировало в себя созданную систему богословского образования, стало кадровой и интеллектуальной основной миссионерской деятельности Российской империи.

К рубежу XIX–XX веков русское монашество становится предметом внутренней и внешней критики. Сама идея удаления от мира и ограничения во внешней деятельности монашествующих шла вразрез с представлениями прогрессивной части российского общества. Невысокое социальное происхождение и низкий образовательный ценз иноков, их ограничение богослужебной и трудовой деятельностью, традиционализм не всегда находили поддержку в среде высшего общества и интеллигенции.

Архиепископ Иларион (Троицкий) (1886–1929) был яркой фигурой в русской церковной истории рубежа XIX–XX столетий: выпускник и преподаватель Московской духовной академии, активный исследователь, один из кандидатов

на патриарший престол в 1917 году. Приняв монашество в 1913 году и архиепископский сан в 1920 году, он стал одним из ближайших сподвижников патриарха Тихона, принадлежал к числу талантливейших церковных деятелей [1]. Современники оставили о нем такие впечатления:

...замечательный богослов, своеобразный и оригинальный писатель... Иларион получил широкую известность в церковных кругах еще в дореволюционное время. Будучи инспектором Московской духовной академии, архимандрит Иларион проявил себя как энергичный и тактичный деятель, который умело смягчал непримиримо консервативную линию ректора Академии епископа Феодора... был умеренным консерватором...пользовался огромной популярностью среди московского духовенства и буквально обожанием народа [2, с. 313–314].

Весьма показательна характеристика, данная ему чекистами: «...известнейший проповедник, по своим способностям превосходящий известного проповедника Храповицкого. Иларион пользуется громадной популярностью среди верующих и любим за свои проповеди, проникнутые чистой тихоновщиной» [3]. А. Ч. Козаржевский ставил в один ряд проповедническое искусство митрополита Филарета (Дроздова), протоиерея Иоанна Ильина и архиепископа Илариона (Троицкого) [4, с. 62–63]. Один из студентов Московской духовной академии оставил следующую характеристику владыке Илариону:

Им нельзя было не любоваться... Пожалуй, целостность и была главной чертой его личности. Этот смелый, исключительно талантливый человек все воспринимал творчески... У него самого была поразительная восторженность и любовь ко всему, что было ему дорого и близко, — к Церкви, к России, к академии, и этой бодростью он заражал, ободрял и укреплял окружающих [5, с. 111].

Эрудиция и красноречие не оставляли его и в советские годы, особенно проявившись в знаменитых публичных диспутах с представителями обновленческого раскола [6; 7].

В годы атеистических гонений провел несколько лет в Соловецком лагере особого назначения, в 1929 году скончался в больнице в Ленинграде. В 2000 году его имя было включено в Собор новомучеников и исповедников Церкви Русской для общецерковного почитания.

Обращение к теме монашества в трудах владыки Илариона вполне естественно. Будучи сыном священнослужителя и выбрав традиционный путь духовного образования, священномученик Иларион остался в преподавательской корпорации Московской духовной академии, находившейся в стенах Троице-Сергиевой лавры, и в 1913 году был пострижен в монашество. Его статьи и письма свидетельствуют о глубокой симпатии к русскому монашеству и о серьезном переживании по поводу его внутреннего состояния.

Современная священномученику Илариону эпоха характерна резкой критикой уклада церковной жизни, стремлением к освобождению общества от клерикального присутствия. Происходящий процесс секуляризации касался не только высшего общества империи и прогрессивных представителей социума, но включал в себя крестьянство и даже духовенство.

Внешнее благоговейное отношение к институту монашества и высокая оценка иноческих идеалов в русском народе, по мнению архиепископа Илариона, чаще всего на деле являлись скрытой критикой монахов. Такие люди «слишком превозносят монашество, но не искренно, а лишь с той лукавой целью, чтобы потом больше, чем следует, всячески бранить» [8, с. 357].

Вместе с тем свидетельство высоты иноческих идеалов оборачивается для русского общества признанием их недостижимости и, как следствие, необязательности их исполнения. В результате происходит разделение социума на монашествующих, от которых требуется полное неукоснительное исполнение всех церковных правил и предписаний, и остальных людей, для которых эти требования не просто необязательны, но и вредны.

По этому поводу священномученик оставил следующие размышления:

наше общество готово поэтому всю церковную жизнь предоставить только одним монахам и священникам; для себя же жизнь по уставам церковным считает вовсе не обязательной. Заветы Христовы, жизнь христианская, по мнению нашего общества, обязательны и нужны одним монахам да, пожалуй, иногда, священникам, а мирянам все можно, все хорошо и похвально. Богослужение должны посещать монахи, а миряне могут для себя заменить его ночными и всенощными бдениями в увеселительных заведениях. Братолюбие тоже не для мирян — для них достаточно вежливости. Общество предпочитает идти на торжище скупного мира, мечется там в потемках от одного блуждающего огонька к другому, гибнет духовным голодом, питается от рожец, приличных лишь свиньям, и не хочет избыточествовать хлебы в дому небесного Отца, который есть святая Церковь православная. А если и говорят некоторые об участии в жизни церковной, то под этой жизнью разумеют не созидание тела Христова в общем братолюбии и духовных подвигах; нет, под жизнью Христовой Церкви разумеют ведение хозяйства, заведывание столами торжников (Мф. 21:12) да борьбу за какие-то права. И на месте святы хотят поставить свой бездушный мирской кумир! [9, с. 150]

Налицо демонстрация большей частью современников архиепископа Илариона формальной принадлежности к Церкви и полное отрицание своей внутренней связи с христианством.

«Предрассудок против монахов, монашества лукав и еще с одной стороны, а именно: думают, что христианский идеал во всей его высоте обязателен и нужен только монахам, а мирянам... ну а мирянам нужно что-нибудь более сходное, более легкое» [8, с. 357], — рассуждал архиепископ Иларион. Данный подход говорит о глубине процесса секуляризации, затрагивающего все слои российского общества и нарушающее внутреннее единство христиан.

Согласно священномученику Илариону, на лицо сосуществование в Российской империи двух христианских сообществ — монашествующих и мирян, каждое из которых характеризуется различной степенью аскетичности и традиционализма. При этом повышенный, с точки зрения мирян, аскетизм монашествующих становится причиной нападков на них всего общества. «Бранить монахов и изображать их какими-то чудовищами в человеческом виде — столь обычное и излюбленное занятие мирян» [8, с.374]; «С некоторого времени повелась у нас дурная манера изображать монахов какими-то нравственными чудовищами, которые должны быть виноваты, “без вины виноваты”» [10], —

свидетельствовал архиепископ Иларион. Мирское общество не признает нормальным само по себе учреждение монашества и не видит возможности достижения высоких иноческих идеалов. Уже a priori недостижимые идеалы монахов становятся причиной их глубокого развращения и нравственного кризиса. Владыка Иларион замечал:

Со всех сторон вокруг монаха строгие судьи и беспощадные прокуроры. Вечно миряне “соблазняются” поведением монахов, хотя миряне в тысячу раз более соблазнительно ведут себя... Монах засмеялся — уже соблазнились. Монах пошел по улице, поехал по железной дороге, сел в трамвай — и на него смотрят как на чудовище какое [8, с. 374].

По его глубокому убеждению, всеобщая критика и осуждение образа жизни монахов стали неотъемлемыми спутниками российского монашества XIX — начала XX веков.

В анализе духовно-нравственного состояния российского общества владыка Иларион не останавливается на констатации излишних требований к монашествующим и прямо говорит о внутреннем духовном разделении своих современников. Указанные выше сообщества монашествующих и мирян не только не имеют взаимного общения, но и прямо противоположны друг другу в своем целеполагании. «У нас стало два христианства, — писал в 1915 году священномученик Иларион, — два христианских идеала: один для монахов, другой для мирян. Такое разделение Христова идеала я считаю нелепым принципиально и крайне вредным практически» [8, с. 378]. Разделение духовно-нравственных требований для монахов и мирян неизбежно приводит к внутреннему конфликту в христианском обществе и, как следствие, к ослаблению связи между Церковью и народом.

Непонимание основной сути христианства сами христианами является причиной отторжения веры в простом народе и зарождения атеизма в среде крестьян, рабочих, интеллигенции и студенчества. Здесь же кроется причина развития нравственного индифферентизма. Архиепископ Иларион писал: «Осуждая всячески монахов и стараясь обелить себя, миряне теперь так часто говорят: “Но мы от мира не отрекались!” Совершенная бессмыслица с православной точки зрения. Не отрекались от мира — значит, нет различия между добром и злом, пороком и добродетелью, не нужна никакая борьба со страстями» [8, с. 366]. Архиепископ Иларион полагал, что дальнейшего развития этого принципа приведет к абсолютному отрицанию всякой нравственности и к открытой борьбе с христианскими устоями общества. Нравственный индифферентизм в дальнейшем развивается в диктатуру вседозволенности и апологию греха. Потеря нравственного ориентира чревата разложением общества и распадом социальных и государственных институтов. Архиепископ Иларион писал:

А если вы будете говорить об обязанностях всякого, принадлежащего к Св. Церкви, вам с негодованием ответят: “Да разве мы монахи? По-вашему, христианство только в монашестве? Нужно только Богу молиться? От жизни с ее радостями нужно отказаться? У вас слишком узкое понятие о христианстве. Христианство — религия свободы” ... и прочие безумные глаголы [9, с. 151].

Такое видение особенно свойственно было русской интеллигенции, которая, по мнению архиепископа Илариона, наиболее негативно относилась к русскому монашеству. К преодолению пропасти между интеллигенцией и христианами было призвано ученое монашество, возникшее в синодальную эпоху Русской церкви как особое и крайне необходимое явление. Под ученым монашеством понималась академическая среда, наполненная иноками в качестве ученых и исследователей. Внешний диссонанс между обычными монастырями, обремененными трудовыми заботами и попечением о материально-хозяйственной организации жизни, и ученым монашеством, занятым научными исследованиями и педагогической деятельностью, должен был быть нивелирован за счет внутреннего единства иноков в стремлении к духовно-нравственному совершенству.

Однако наиболее острое отношение к монашествующим было сформировано в среде епархиального и приходского управления, духовного образования. Студенты и еще более ряд преподавателей, как в сане, так и нет, полагали, что монашество представляет собой средневековый рудимент в церковной структуре. В частности, критикой монашеского присутствия в академической среде и самой организации монашеской жизни была наполнена «Записка думского духовенства, поданная в августе 1915 г. обер-прокурору св. Синода А. Д. Самарину» [11]. Священномученик Иларион опроверг критику статистическими данными, указав, что в 1915 году на должностных постах духовных семинарий и училищ состояло всего 50 монашествующих, что составляло менее 10% от численности всех работников, среди инспекторов семинарии значилось 7 монахов, 7 белых священников и 45 светских лиц [12; 13]. По мнению исследователя жизни архиепископа Илариона А. А. Горбачева [14, с. 91], дискуссия вокруг мнения духовенства Государственной думы Российской империи стала поводом к созданию статьи «Единство идеала Христова», в которой священномученик выразил свое отношение к институту монашества и связанным с ним в современном мире проблемам [8].

Владыке Илариону, принадлежавшему и к преподавательской корпорации, и к монашескому обществу, приходилось становиться апологетом монашества. Ученое монашество как самобытное и оригинальное произведение Русской церкви XIX — начала XX веков испытывало внешнее давление со стороны критиков церковной жизни и клерикализма и внутреннее — со стороны академической среды и белого духовенства. Однако архиепископ Иларион занимал в этом отношении исключительную и принципиальную позицию, доказывая внешним и внутренним оппонентам необходимость и жизнеспособность ученого монашества. Его мнение во многом совпадало с позицией таких видных иерархов предреволюционной России, как Антоний (Вадковский), Антоний (Храповицкий), Сергей (Страгородский), Феодор (Поздеевский). Синтез академической науки и аскетизма иноков должен быть залогом продуктивного диалога Церкви и просвещенной части имперского общества, фундаментом развития богословской науки и ее практических приложений.

Сам институт ученого монашества был предметом неоднократных споров как в синодальную эпоху, так и в настоящее время. В 1917 году, фактически на закате существования Российской империи, в Троице-Сергиевой лавре

состоялся съезде ученого монашества. Значение этого собрания Н. Ю. Сухова оценивает следующим образом:

Основная тема съезда была сформулирована достаточно определенно: духовно-учебное, ученое и просветительское служение российского ученого монашества; консолидация сил с целью более успешного решения этих задач... Идеи, прозвучавшие на съезде, легли в основу двух проектов — Иноческого всероссийского церковно-просветительского братства и Высшей церковной богословской школы [15].

Если первый проект получил всеобщее одобрение, то идея создания монашеской академии разделила участников съезда. Оценивая необходимость развития богословской науки, реальное состояние существующих к началу XX столетия духовных академий и монастырей, священномученик Иларион считал нецелесообразным и даже невозможным создание отдельной академии для иноков. Он и игумен Варфоломей (Ремов), в отличие от архиепископа Феодора (Поздеевского), полагали, что на тот момент «ученое монашество... не близко к богословской науке, а часто, к сожалению, относится к ней без должного уважения» [16, с. 3], обособление такого монашества в отдельную академию послужит ему только во вред. Развивая мысль владыки Илариона, Н. Ю. Сухова делает следующий вывод: в 1880–1910-е годы «призванное прежде всего заниматься развитием богословской науки, русское ученое монашество почти не могло... делать это эффективно. Оно дало Церкви множество святых, богословов и исповедников, но с его служением были связаны и серьезные проблемы, и критика современников» [17, с. 97].

Безусловно, архиепископ Иларион не идеализирует состояние современного ему монашества, признавая в нем наличие недостатков и даже в некоторых случаях непонимания основных целей и задач. Его мысли созвучны в данном случае замечаниям митрополита Антония (Храповицкого): «... знает ли читатель, что большинство мужских монастырей в настоящее время малолюдно и состоит из людей очень малограмотных? Что оно бедно, т. е. не преизбыточествует, но нуждается в средствах? Что женские обители почти все буквально нищенствуют?» [18, с. 407]. Активность монашества во внешнем служении не находит поддержки в большинстве монастырей. Владыка Антоний подчеркивал:

Ценность обычного, естественного человека, как духовного руководителя ближних, в наших традициях, перешедших в народно-монашеское мировоззрение, низведено до ничтожнейшей величины: все дело духовного просвещения богомольцев они возлагают на сверхъестественную силу благодати, на действенность самого быта обители, отображающего собой священную древность [18, с. 408].

Однако, согласно владыкам Антонию и Илариону, основной причиной подобного становится бедственное в отношении просвещения и нравственности положение русского общества в целом. Монашеское сообщество становится лишь отражением реального состояния всей Российской империи, оно — малый элемент огромного организма, проявляющего симптомы серьезных внутренних проблем. Особенно болезненным для владыки Илариона была

позиция монашествующих, которые в попытках ответить на вызовы времени осуждали оппонентов за их нравственный релятивизм. Подобные монахи ничем не отличались от своих оппонентов, что для священномученика Илариона было вообще недопустимо. «Принятие монашества не ставит человека сразу в нравственном значении выше всех мирян. “Последний монах лучше самого хорошего мирянина!” — приходилось мне это от монахов слышать, но я такое изречение считаю неправильным», — замечал архипастырь [8, с. 387].

Критика современного состояния монашества должна, по мнению архиепископа Илариона, привести к обновлению монастырей и искоренению в обществе предрассудков в отношении иноков. Более того, себя самого архиепископ Иларион считал не только апологетом монашества, но и признавал проповедником иноческого уклада жизни: «Нас обвиняют иногда за то, что мы стремимся к пропаганде монашества. А хотя бы и так, что же в том дурного-то? Ведь не на грех соблазняем, а к “воистину доброму и блаженному делу” приглашаем. Мы знаем по опыту, что монашество приносит душевный мир и радость» [8, с. 387].

Рассуждения архиепископа Илариона важны, в первую очередь, как основанные на его личном опыте общения с монашествующими и собственной иноческой жизни. «С монахами я знаюсь давно и смело, и твердо заявляю, что такой любвеобильности, сострадания, сердечности, какие наблюдал я у монахов, у мирян я не встречал», — писал он в одном из своих писем [8, с. 374].

Его собственный монашеский постриг был совершен епископом Феодором (Поздеевским) в Параклитовой пустыни Троице-Сергиевой лавры. Постригавший его архиерей охарактеризовал суть монашества в следующих словах напутствия:

...знаю и не хочу скрывать сейчас, в чем твоя жертва Христу. Ты искушался и, быть может, теперь еще искушаешься любовью к той школе, которой ты служишь, и чувством опасаясь, как бы иночество не лишило тебя этой школы. Но что такое академия без Христа?!.. Знай, брат, что та же Христова истина и благодать Божия, которые открыли тебе очи ума и сердца, они умеют как-то непонятно для нас, но весьма разительно вознаграждать за жертву тем же самым, но только в большем размере, что мы как будто теряем, идя за Христом [19, с. 700].

По его мнению, обвинения, выдвигаемые инокам со стороны оппонентов, не имеют под собой твердого представления о предмете дискуссии. Для многих внешних людей институт монашества и иноческая жизнь являются неизвестными предметами, представления о которых весьма смутны и предвзяты. Само знакомство с укладом жизни монастырей позволило бы устранить большую часть недоумений:

Встают от сна в половине третьего, а в три часа уже во храме. Читают утренние молитвы, полунощницу и слушают утреню. Утреннее богослужение продолжается часа три. В восьмом часу снова в храм на литургию, которая окончится часов в десять. После литургии займутся трудом — «послушанием». До окончания литургии пищи не принимают. В полдень трапеза, за которой читается житие дневного святого. Трапеза проходит чинно, в молчании. Перед трапезой и после поются молитвы. Каждое блюдо подается с молитвой же. По окончании трапезы

отдыха часа на полтора. Ведь встали-то уже давно! А после отдыха кто трудится, кто читает что-нибудь духовное, назидательное. В 5 часов вечерняя служба, которая заканчивается часам к 8 уже в трапезной, где читаются и вечерние молитвы со многими земными поклонами. А в девять уж спать пора, потому что завтра опять в половине третьего разбудят. Да перед сном еще правило свое исполняют, со многими опять земными поклонами. Так изо дня в день. В посты трапеза совсем скудная, а служба церковная в сутки иногда занимает 11–12 часов. Порядок дня не выдуман мной, а списан с натуры. В большинстве монастырей так именно проходит день [8, с. 379–380].

Изложенный внутренний распорядок жизни свидетельствует о достаточно серьезной занятости монашествующих в монастырях как городских, так и сельских.

В 1920 году владыка Иларион стал настоятелем Сретенского монастыря в Москве [6, с. 341], совмещая иноческие труды с архиерейским служением. Должность игумена позволяла человеку раскрывать собственные представления о монастырях и монахах, однако настоятельство священномученика Илариона проходило в условиях атеистических гонений, братию выселяли из обители, сам он вынужден был проживать на квартире у знакомого священника — было трудно организовать монашескую жизнь с привычным ее укладом. Даже в таких непростых обстоятельствах проявлялась черта, присущая хорошему дореволюционному монашеству, — простота. Об этом свидетельствует воспоминание Н. П. Окунева:

Несколько раз ходил в Сретенский монастырь. Привлекал туда епископ Иларион, не своим пышным архиерейским служением, а участием в службах в качестве рядового монаха. Однажды... он появился в соборном храме монастыря в простом монашеском подряснике, без панагии, без крестов, в камиллавке, и прошел на левый клирос, где и пел все что полагается [20, с. 29].

Даже пребывание его в ссылке на Соловках не изменило монашеский взгляд на жизнь. Как замечает священник Димитрий Сафонов, «многие архиереи, монахи считали, что в лагере на Соловках невозможно вести подлинно монашескую жизнь. Но святитель Иларион был уверен, что то место, куда его поместил Господь, и является наиболее благоприятным для спасения» [7]. Соловецкий лагерь особого назначения он воспринимал как школу терпения, любви и смирения, в которой даже в столь суровых условиях воспитывались монашеские добродетели.

Монашество в представлении архиепископа Илариона становится наиболее ярким выражением такой стороны христианской жизни, как «церковность». В этом он полностью солидарен с митрополитом Антонием (Храповицким), полагавшим, что жизнеспособное христианство возможно только в Церкви. Внутренний консервативный уклад жизни христиан, подлинное богословие, жизнь аскетов и внешнее служение оказываются востребованными только в границах Церкви. Сам метод богословия, который применял в своих трудах и жизни архиепископ Иларион, протоиерей Петр Гнедич определяет как «церковность», в противовес множественному субъективизму его богословов-современников [21, с. 217–222]. Как отмечает архимандрит Августин (Никитин), термин «Цер-

ковь» было ключевым в богословии архиепископа Илариона. «О Церкви он свидетельствовал искренне, горячо, убежденно и в историко-догматических исследованиях, и в статьях для церковных журналов, и на лекциях, в проповедях и в выступлениях на публичных собраниях» [22, с. 170]. В осмыслении священномученика Илариона монашество должно быть выразительной иллюстрацией практического проявления богословия в реальной жизни христиан. Неслучайно один из современных исследователей наследия священномученика Илариона именует его монашествующим богословом [23, с. 162].

Архиепископ Иларион (Троицкий) констатировал существующее в современном ему обществе внутреннее разделение относительно монашествующих и мирян. Весьма распространенной была позиция различия между целями и задачами жизни иноков и всего остального общества. По мнению архиепископа Илариона, данный подход является в корне неверным. Монахи и миряне в христианстве обладают единым духовно-нравственным идеалом Бога, изменение которого неизбежно приведет к нравственному релятивизму и атеизму в русском обществе. Согласно владыке Илариону, монашествующие ничем не отличаются от других христиан, любое их принижение или превозношение не соответствует ключевым принципам христианства. Духовно-нравственные болезни российского общества нашли свое отражение и в среде монашествующих. Однако среди других церковных форм жизни институт монашества в исторических реалиях конца XIX — начала XX веков был наиболее уязвим и нуждался в охране и апологии. Важной формой организации иноческой жизни для архиепископа Илариона было ученое монашество, призванное соединить в себе интеллектуальную и духовную деятельность. Однако создать особую реальную структуру ученого монашества на рубеже столетий, по мнению архиепископа Илариона, было не только нереально, но и опасно как для научной, так и для духовной составляющих деятельности ученых монахов. Само монашество становилось яркой иллюстрацией «церковности» богословия, о котором писал в своих трудах священномученик Иларион. Жизненный путь архиепископа Илариона (Троицкого) в годы советских гонений на Церковь и веру подтвердил его верность монашескому образу жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мраморнов А. И. Иларион (Троицкий) // Православная энциклопедия. — М.: Православная энциклопедия, 2009. — Т. 22. — С. 144–154.
2. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. — М.: Крутицкое подворье, 1996. — 670 с.
3. Сафонов Д. В. К 75-летию со дня преставления священномученика Илариона (Троицкого) // Электронное периодическое издание «Радонеж.ру». — М., 2016. — URL: <https://radonezh.ru/analytics/k-75-letiyu-so-dnya-prestavleniya-svyaschennomuchenika-ilariona-troitskogo-safonov-d-v-47872.html> (дата обращения: 03.04.2022).
4. Козаржевский А. Ч. А. И. Введенский и обновленческий раскол в Москве // Вестник МГУ. — 1989. — Серия 8. — № 1. — С. 54–67.
5. Волков С. Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). — М.; СПб.: Дмитрий Буланин. — 317 с.

6. Сафонов Д., свящ. Академическое служение сщмч. Илариона (Троицкого) и его борьба с обновленчеством (По материалам публичных диспутов в Политехническом музее) // Богословский вестник. — Сергиев Посад, 2005–2006. — № 5/6. — С. 335–370.
7. Сафонов Д., свящ. О священномученике Иларионе (Троицком) // Православие.ru. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/33307.html> (дата обращения: 03.04.2022).
8. Иларион (Троицкий), сщмч. Единство идеала Христова. Письмо к другу // Творения: в 3 т. — М.: Сретенский монастырь, 2004. — Т. 3. — С. 357–387.
9. Иларион (Троицкий), сщмч. Да не будут тебе божи иные! Слово в день празднования 95-й годовщины основания Московской духовной академии // Творения: в 3 т. — М.: Сретенский монастырь, 2004. — Т. 3. — С. 146–158.
10. Иларион (Троицкий), сщмч. У Троицы в Академии // Православие.ru. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/sm/33328.htm> (дата обращения: 03.04.2022).
11. Записка думского духовенства, поданная в августе 1915 г. обер-прокурору св. Синода А. Д. Самарину. — Пг.: Тип. АО тип. дела, 1916. — 18 с.
12. А. И. [Архимандрит Иларион]. К «Записке» думского духовенства (о числе монахов на службе в духовно-учебных заведениях) // Руководство для сельских пастырей. — 1915. — № 43. — С. 178–180.
13. А. И. [Архимандрит Иларион]. Небольшое примечание к «записке думского духовенства» // Христианин: Журнал церковно-общественной жизни, науки и литературы. — Сергиев Посад, 1915. — № 9. — С. 385.
14. Горбачев А. А. Жизнь и труды священномученика Илариона. — М.: Сретенский монастырь, 2015. — 208 с.
15. Сухова Н. Ю. Ученое монашество в России: научно-богословская деятельность и проблема консолидации // Монастырский вестник: Синодальный отдел по монастырям и монашеству Русской Православной Церкви. — М., 2022. — URL: https://monasterium.ru/publikatsii/stati/2434-uchenoe-monashestvo-v-rossii-nauchno-bogoslovskaya-deyatelnost-i-problema-konsolidatsii/#_ftnref21 (дата обращения: 01.03.2022).
16. Всероссийский церковно-общественный вестник. — 1917. — № 76.
17. Сухова Н. Ю. Российское «ученое монашество» перед проблемами учености и монашества (1880–1910-е гг.) // Христианское чтение. — 2018. — № 2. — С. 197–209.
18. Антоний (Храповицкий), еп. О желательной деятельности монастырей // Полное собрание сочинений: в 3 т. — Казань: Типо-литография императорского университета, 1900. — Т. 2. — С. 406–415.
19. Феодор (Поздеевский), еп. Речь при пострижении в монашество доц. Троицкого Вл. (Илариона) // Богословский вестник. — 1913. — Т. 1. — № 4. — С. 697–702.
20. Окунев Н. П. Дневник москвича // Митр. Иоанн (Снычев). Священномученик Иларион, архиепископ Верейский. Житие и свидетельства к церковному прославлению. — М.: Сретенский монастырь, 1999. — С. 29.
21. Гнедич П., прот. Догмат искупления в русской богословской науке (1893–1944). — М.: Сретенский монастырь, Московская духовная академия, 2007. — 493 с.
22. Августин (Никитин), архим. Архиепископ Иларион (Троицкий) (1886–1929): (К предстоящей канонизации) // Макарьевские чтения. — Можайск, 1998. — Вып. 6: Канонизация святых на Руси. — С. 168–179.
23. Андрианов Г., свящ. Священномученик Иларион Верейский как исследователь Священного Писания // Ипатьевский вестник. — 2018. — № 6. — С. 160–168.